

СУБЪЕКТНАЯ СТРУКТУРА ТЕКСТОВ О «НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ»

М. Ю. Сидорова

Ключевые слова: субъект, предикация, русский язык, синтаксис текста, новая реальность.

Keywords: subject, predication, the Russian language, syntax of the text, new reality.

DOI 10.14258/filichel(2022)2–02

Введение

Одним из продуктивных приложений концепции функционально-коммуникативной грамматики Г.А. Золотовой является лингвистический анализ текстов, отражающих актуальные тенденции развития общества. Среди этих тенденций особое место занимает возникновение новых реалий, связанных с научно-техническим прогрессом и — в первую очередь — разработкой искусственного интеллекта. Такое особое место обусловлено прежде всего тем, что эти новые реалии могут создать (и уже создают) новую реальность, где модифицируются отношения человека (по сути своей) с вещами, которые он наделяет определенной самостоятельностью и характеризует некий уровень этой самостоятельности как «интеллект». Эти отношения весьма противоречивы. Взгляд исследователей «распределенного (между человеком и компьютером. — М. С.) интеллекта», выраженный в формулировке «Мы не сотрудничаем с машинами так же, как не сотрудничаем с овцами, мы просто их используем» [Сломан, Фернбах, 2017, с. 166], конфликтует с их же признанием: «Подобно живому организму, интернет непрерывно изменяется в таких направлениях, которые мы не можем предвидеть и контролировать. Сейчас операционные системы и приложения компьютера изменяются автоматически. Когда вы включаете компьютер, то, вообще говоря, у вас уже нет уверенности в том, что это тот самый прибор, на котором вы работали вчера» [Сломан, Фернбах, 2017, с. 166].

Главными объектами нашего анализа будут произведение французского философа М. Серра «Девочка с пальчик» (Michel Serres, *Petite Roucette*) в переводе на русский язык [Серр, 2012] и концепция развития нейрообразования, опубликованная на сайте Национальной тех-

нологической инициативы Нейронет¹. Мы намерены показать значимое сходство в способах организации субъектного плана в этих текстах. При всех жанровых и стилистических различиях эти тексты объединяет, во-первых, тема цифровизации и ее влияния на положение человека в мире, во-вторых, то, что они написаны на русском языке, обладающем средствами организации субъектного плана, как общими с другими языками (разграничение активного субъекта и пассивного, возможность свертывания предикации с указанием носителя признака или элиминацией его и т. п.), так и специфичными (например, различные типы обобщенно- и неопределенно-личных предложений с невыраженным субъектом). Эти ресурсы языковой системы могут использоваться говорящим (в первом случае — переводчиком, опирающимся на иноязычный текст, во втором — коллективным автором концепции) сознательно или бессознательно, но в любом случае через них и только через них мы познаем его замысел.

Сказанное (написанное) — может быть интерпретировано, а возможный протест сказавшего против интерпретации — это только одна из версий трактовки текста, поскольку, как мы только что отметили, далеко не все ресурсы языка применяются автором целенаправленно, с полным осознанием смысловых эффектов, которые они дают, поэтому сказать (написать) можно гораздо больше, чем ты намеревался. Право интерпретации остается за читателем и дается ему кое-чем большим, чем он сам и чем субъект-автор, — языковой системой и правилами ее функционирования.

Важно, что, анализируя внутритекстовую субъектную перспективу, то есть характер, взаимодействие, способы выражения субъектов предикаций (ситуаций, положений дел), названных в тексте, мы можем получить представление как о внутритекстовых субъектах, так и о субъектной позиции автора: индивидуальной (той, которой традиционно занимается российская функционально-коммуникативная грамматика школы Г.А. Золотовой [Золотова, 1973; 1982; 2005; Золотова, Онипенко, Сидорова, 1998]), и обобщенной (той, которая составляет предмет интереса французской школы анализа дискурса). «Субъект же высказывания (*énonciateur*) приобретает существование только потому и только тогда, когда он говорит. Он образуется в акте высказывания и не существует до этого акта. Он представляет собой категорию дискурса, «реальность речи» в отличие от говорящего индивидуума из плоти и крови» [Серио, 1999а, с. 15–16]. Иначе говоря, именно в тексте говорящий конституиру-

---

¹ <http://rusneuro.net>

ется как субъект, поэтому мы можем реконструировать его субъектную позицию на основе лингвистических данных, что открывает нам доступ к его идеологии как «организованной системе идей» [Серио, 1999а, с. 17].

Позиция субъекта в тексте выявляется через две основные языковые операции.

Во-первых, это **номинация** — «наклеивание» словесной этикетки на объект, отражающее его категоризацию и позволяющее читателю (интерпретатору) группировать внутритекстовые субъекты и получать доступ к авторской точке зрения на них. Во-вторых, это **предикация** — приписывание субъекту (определенному, неопределенному или обобщенному, личному или неличному, названному или не названному) признака (активного действия, состояния и т. п.) [Сидорова, Чжон Хюн, 2014аб]. Понимание того, кому (чему) какой признак приписан в данном высказывании, какое языковое оформление и почему приобретают этот субъект и признак, составляет основу понимания высказывания. Неслучайно великий русский филолог Ф. И. Буслаев еще в XIX веке писал в книге «О преподавании отечественного языка», что первым навыком анализа родной речи, который ребенок получает в школе, научившись читать и писать, должен быть навык понимания предложения через обнаружение в нем субъекта и предиката [Буслаев, 1844]. Мы даем ребенку предложение типа «Бог сотворил небо и землю» и спрашиваем: «Кто сотворил небо и землю?» и «Что говорится здесь о Боге?». И именно в этом состоит первый акт аналитического познания языка.

Именно предикация будет нас далее интересовать как наиболее значимый для выявления субъектной структуры и авторской позиции в исследуемых текстах аспект.

Предикация как языковая и когнитивная операция

Рассматривая предикацию, то есть приписывание признака субъекту, как основу содержания предложения, лингвисты привыкли говорить о простейшем предложении как об отражении, или выражении, некоторой ситуации действительности. Следует уточнить, что в эту формулировку имплицитно включаются несколько не просто языковых, но когнитивных операций, в каждой из которых проявляется выбор говорящего, обусловленный не только характером референтной ситуации, но и условиями коммуникативной ситуации, типом создаваемого текста и замыслом (целью) высказывания. Согласно современным представлениям о порождении речи, Концептуализатор в нашем внутреннем языковом механизме предшествует Формулятору [Levelt, 1989].

Мы вычленим ситуацию из непрерывного недискретного потока действительности, «назначаем» субъект (носитель признака) и предика-

кат (признак), выбираем слова и формы для их вербализации, с учетом нашего желания и возможности придать субъекту большую или меньшую долю активности, скрыть (затемнить) или обобщить субъект, свернуть предикацию и вставить ее в другое предложение, создав тем самым усложненную (полипредикативную) конструкцию, ср.: *Петя с Васей дерутся в коридоре и Петя в коридоре избивает Васю; Я хочу получить книги и Мне сказали, что у вас выдают книги; Специалисты считают, что Шолохов написал «Тихий Дон» и Создание (Шолоховым) «Тихого Дона» — вопрос (среди специалистов) дискуссионный*. Некоторые из этих операций по вербализации субъекта являются общими, системно обусловленными для ряда европейских языков, как например:

- а) неназванность субъекта в свернутой предикации, которую журналисты, пишущие на разных языках, активно используют для создания интриги в заголовках статей, а иногда и для дезинформации читателя;
- б) все более расширяющееся использование предикатов, обозначающих действия лица, при субъектах, называющих машины, электронные приборы, разного рода интеллектуальные устройства и компьютерные программы.

Следующие примеры из новостных заметок на разных языках демонстрируют «очеловечивание» технических устройств как на номинативном, так и на предикативном уровне:

(01) *This year, Nasa's Osiris-Rex **performed a daring** «touch-and-go» manoeuvre with the asteroid Bennu, **in order to collect** samples of rock and soil for **delivery** to Earth... **In order to collect** samples, Osiris-Rex **used** a long boom with a ring-shaped collection chamber on the end. The spacecraft **descended** towards Bennu's surface, **delivering** a squirt of nitrogen when the boom made contact with the asteroid...*

(02) *Curiosity a quelque chose en lui de Terminator: **outragé, blessé, diminué**... il continue d'avancer sans mot dire. Certes, il a déjà **perdu la mémoire** — son ordinateur de bord a cramé, avant d'être remplacé par un calculateur de secours; il **souffre aussi d'arthrose**, puisque son **bras articulé** et sa foreuse **donnent des signes de vieillesse anticipée**.*

(03) *«Зонд-ПП» **составит первую карту из космоса**. Запущенный буквально три месяца назад аппарат «Зонд-ПП» уже через пару месяцев **будет готов представить** на Землю первую карту, демонстрирующую распределение влаги по поверхности всей земной суши, а также уровень солености мирового океана.*

(04) *Зонд Европейского космического агентства «Розетта», который уже 10 лет **преследует** комету 67P/Чурюмова-Герасименко, **полу-***

чил первые снимки своей космической «жертвы». В августе 2014 года произойдет максимальное сближение с объектом, но уже сегодня «Розетта» *пересылает* снимки «хвостатой звезды».

(05) **Вояджер официально покинул Солнечную систему. Вояджер смело проник** туда, куда не проникал ни один зонд до этого, совершив тем самым **одно из самых значительных технологических достижений** в анналах истории науки, и поскольку **он проник в межзвездное пространство**, это открывает новую главу в человеческой науке.

Следует особо подчеркнуть отличие подобных предложений от предложений с предметным субъектом и неакциональным предикатом типа *Дорога ведет к реке, Карты демонстрируют распределение влаги по поверхности Земли, Петунии любят подкормку*. В примерах (01) — (05) предикаты акциональные, они сообщают о **действиях** высокотехнологичных «самостоятельных» устройств, что подтверждается и лексическим окружением: *смело проник, будет готов представить снимки своей «жертвы»*. Космические аппараты не просто *маневрируют* и *проникают*, но *делают* это смело, обретая тем самым самостоятельную внутреннюю сферу и (почти) целеполагание. Апогеем этого очеловечивания является ведение аккаунтов в социальных сетях от имени подобных устройств и аппаратов (например, американский марсоход Perseverance).

Рядом с отмеченными чертами организации субъектного плана, характерными, как мы видели, и для других европейских языков, в русском языке выступают специфические особенности, связанные с наличием так называемых неопределенно-личных, обобщенно-личных и безличных конструкций, которые характеризуются отсутствием имени субъекта (носителя признака) в именительном падеже и противопоставляются «каноническим» двусоставным предложениям со значением «лицо и его действие». Следует заметить, что сами эти названия типов предложений условны. Термин «безличные» прямо противоречит семантической сущности и коммуникативному предназначению предложений типа *Мне не спалось, Мне душно, Его подбросило на месте, Его потянуло на родину* [Золотова, 1973, 1982]. Термины «неопределенно-личные» и «обобщенно-личные» точнее, но не отражают всего богатства семантических эффектов, которое достигается в русском языке отсутствием упоминания действующего лица в конструкциях с предикатом в форме 2-го лица единственного числа или 3-го лица множественного числа (в прошедшем времени — просто множественного числа). Так, последние могут использоваться как для эмпатического включения говорящего в круг действующих субъектов, так и для выражения противопоставления «свой — чужой». См., например, наши статьи о неопределенно-

личности у Чехова [Сидорова, 2011] и о роли «безличных» и неопределенно-личных предложений в тексте романа Булгакова «Белая гвардия» [Сидорова, 2001]. Кроме того, традиционное выделение неопределенно-личных и обобщенно-личных конструкций только среди предложений «односоставных», то есть с невыраженным субъектом, не учитывает того, что аналогичные значения могут выражаться и двусоставными (опять же в традиционном понимании, присваивающем любому именительному падежу позицию главного члена) предложениями, ср.:

(06) *Говорят, = Люди / Все говорят, = Ходит слух / Существует мнение, что глобального потепления не будет; В саду поют = кто-то поет = раздается / слышно пение; В нашем городе строят стадион = строится стадион = идет строительство стадиона.*

Использование неопределенно-личных и обобщенно-личных предложений, а также «безличных», которые в концепции коммуникативной грамматики Г.А. Золотовой называются инволютивными, что точнее отражает их семантическую сущность, для обозначения действий людей позволяет управлять уровнем обобщения и активностью внутри-текстовых субъектов, демонстрировать разную степень целенаправленности их действий и контролируемости ими внешнего мира [Halliday, 1971]. В результате могут возникать художественные картины мира, в котором человеку подвластно все или ничего, наказуема или поощряема деятельность или, напротив, пассивность, события развиваются естественным путем или, как пишет М.А. Булгаков в романе «Белая гвардия», «продельывают причудливые зигзаги», человек способен управлять миром, событиями и своей жизнью или беспомощен перед судьбой и, как щепка течением, влеком не зависящим от него ходом событий. Активизация вещей (точнее, «человекоподобных» автоматизированных устройств и компьютерных программ), также претендующих на целенаправленность и активность действий и в чем-то уже составляющих конкуренцию человеку, также не может не оказать влияния на субъектную структуру виртуальных миров, выстраиваемых авторами художественных, публицистических, научных, философских и даже официально-деловых текстов.

Стоит подчеркнуть, что эту «активизацию вещей» порождает не их собственное сознание, а сознание человека: мы сами отдаем (или приписываем) им ту или иную степень целенаправленности и активности действий. Эти разные уровни могут сосуществовать в пределах одного текста:

(07) *Новый алгоритм искусственного интеллекта, созданный IBM, может помочь врачам диагностировать или предсказывать наступ-*

ление болезни Альцгеймера... И все, что нужно, это чтобы субъект **рассказал алгоритму историю**. **Сравнивая** образцы текста, написанные участниками исследования в течение нескольких лет, **алгоритм смог предсказать** наступление болезни Альцгеймера на годы вперед с 75-процентной точностью. **Потенциально это решение дает врачам новый инструмент для выявления** болезни Альцгеймера... **Алгоритм рассматривает данные** неврологического исследования... **Алгоритм научился распознавать** такие закономерности, как... В настоящее время, после того как **алгоритм был протестирован** на болезнь Альцгеймера, **команда IBM надеется испытать его с целью прогнозирования** других неврологических заболеваний².

В первом предложении этой новостной заметки алгоритм выступает в пассивно-вспомогательной функции: он *создан IBM*, то есть является продуктом человека, и роль его заключается в том, чтобы *помочь* врачам, а действия *диагностировать* и *предсказывать* приписываются человеческим субъектам. Но уже во втором предложении он явно обретает самостоятельность и антропоморфные черты: человек должен *рассказать алгоритму историю*. Далее алгоритм обретает способность к ментальным действиям — *сравнивать, предсказать*. Но эти действия все же представляются как вторичные по отношению к действиям врачей: алгоритм приравнивается к инструменту выявления болезни, а не к субъекту, выявляющему болезнь. Далее снова появляются антропоморфизирующие алгоритм предикаты ментальных действий — *рассматривает данные, научился распознавать закономерности*. Однако в последнем предложении алгоритм снова возвращается под власть своих создателей.

Итак, на сегодняшнем этапе лексико-грамматические средства, уже существующие в системе языка, получили новое предназначение — участвовать в осмыслении и вербализации отношений между человеком и миром умных устройств и цифровых технологий, в определении места человека в новой реальности. Эта реальность и новый тип субъекта, созданного ею, привлекают внимание философов в разных странах. Французский философ М. Серр охарактеризовал ситуацию так: «Незаметно для нас за короткий период, прошедший с 1970-х годов, возник новый человек. У него (и у нее) другое тело, другой горизонт жизни, они иначе общаются, видят перед собой иной мир, живут в иной природе и в ином пространстве. <...> У них не такая голова, как у родителей, они иначе познают. И иначе пишут. Восхищенно глядя на то, как быстро они набирают двумя большими пальцами смс — у меня с моими корявыми паль-

² <http://evercare.ru>

цами так никогда не получится, — я и прозвал их (с нежностью, какую только способен проявить дед к своим внукам) Девочками и Мальчиками с пальчик. <...> Они говорят на другом языке. <...> Девочка с пальчик и ее друг будут трудиться совсем на других работах»³.

Субъектный план в русском переводе эссе М. Серра «Девочка с пальчик»

Лейтмотивом приведенного фрагмента являются слова, акцентирующие новизну пришедшего цифрового поколения, не похожестя его на родителей: *другой, не такой, иной, иначе*. Но приход нового мира манифестируется в том тексте, который благодаря переводу доступен русскоязычному читателю не только через лексику, но и через грамматику. В грамматической ткани текста, как мы сейчас увидим, «односоставные» предложения и двусоставные не противопоставлены, а взаимодействуют, создавая картину мира, где нет практически никаких личных субъектов, которые действуют, кроме Девочки с пальчик и ее собратьев, зато повышенной активностью обладают неодушевленные объекты. Вот характерный пример:

(08) *Помню, как я был удивлен несколько лет назад, увидев, как на кампусе Стэнфорда, где я преподаю вот уже тридцать лет, **возводятся** — по соседству с главным двором, на средства миллиардеров из соседней Силиконовой долины — **здания** отделения информатики, более или менее такие же (с поправкой на железо, бетон и громадные окна), как и кирпичные корпуса, в которых сто лет как **преподают** инженерную механику и историю Средневековья. Тот же план, те же коридоры и аудитории: тот же **вдохновленный страницей формат**. Как будто недавняя **революция**, по своей силе вполне сравнимая с преобразованиями, которые принесли с собой письменность и книгопечатание, ничего не **изменила** ни в знании, ни в педагогике, ни в самом университетском **пространстве, придуманном с помощью книги и ради нее**.*

*Нет. Новые **технологии требуют уйти** от пространственного формата, **предполагаемого книгой и страницей**. А как от него **уйти**?*

Здания возводятся, страница вдохновляет формат, революция (не) изменила, новые технологии требуют, книга и страница предполагают... При этом четыре предиката, субъектом которых является человек, в тексте лишены этого субъекта: *преподают* — неопределенно-личное предложение, *придуманном* — оборот с пассивным причастием без указания имени деятеля (зато с указанием предмета — книги как инструмента и цели), *уйти* — один раз использовано как вторичный предикат по-

³ Здесь и далее текст цитируется по русскому переводу [Серр, 2012].

сле «требуют» и второй раз в инфинитивном предложении (во французском оригинале во втором случае предложение безглагольное, но также бессубъектное: *Les Nouvelles technologies obligent à sortir du format spatial impliqué par le livre et la page. Comment?*). Кто преподает? Кто придумал университетское пространство? Кто должен уйти от пространственного формата? Эти субъекты не получают права быть названными в мире, где правят обезличенные информационные технологии.

Автор поддерживает диалог с читателем и создает свой образ с помощью средств, соответственно, адресации и авторизации, как мы увидим в следующем примере, но это только усиливает ощущение изоляции. Автор и читатель как бы беседуют на крошечном пяточке, окруженном действующими предметами и абстрактными сущностями:

(09) *Изгнанный под давлением жалостливых мамаш и психологов из школы, оценочный бум охватил гражданское общество. Публикуются рейтинги продаж, присуждаются Нобелевские премии, Оскары и кубки из поддельных металлов, составляются рейтинги университетов, банков и предприятий, оцениваются даже государства, некогда суверенные. И вы, читатель, переворачивая страницу, ставите мне оценку.*

Некий двуликий демон заставляет нас признавать что-то плохим, а что-то хорошим, что-то невинным, а что-то вредным. Трезвый взгляд проводит, скорее, другое различие — между умирающими остатками старого мира и ростками нового. Что сегодня намечается, так это переворот, устанавливающий равноправную циркуляцию оценивающих и оцениваемых, их своего рода взаимослияние.

Бум охватил, рейтинги публикуются и составляются, премии присуждаются, государства оцениваются... Кем — не сказано, потому что не важно: оценивающие субъекты лишены индивидуальной субъектности, они как бы сливаются в нерасчлененную единоголосую массу. *Жалостливые мамаша и психологи* и некоторые другие субъекты, возникающие по ходу изложения, как правило, не в позиции основного субъекта предложения, упоминаются обычно как проигравшие пережитки прошлого (в прошлом личным субъектам действовать не возбраняется).

Обратим внимание на резкий контраст двух предикаций в первом предложении этого фрагмента, создаваемый взаимодействием семантики и формы глагольных и именных компонентов. *Оценочный бум*, который в старом мире был объектом активного воздействия людей, то есть был *изгнан* индивидуализованными субъектами (в русском переводе индивидуализации способствует использование экспрессивных лексем *жалостливый* и *мамаша*), в новом мире побеждает, отбирая у личных

субъектов монополию на активность. Он *охватил гражданское общество*, присвоив себе право не просто на активное действие, но на действие высокой интенсивности. Что касается людей, то они, напротив, потеряли индивидуальность, слившись в *гражданское общество*. Этот же взгляд на мир торжествует и во втором абзаце фрагмента: двуликий демон заставляет, трезвый взгляд проводит, переворот устанавливает. Удел нас — признавать, превращаться в оценивающих и оцениваемых, вступать в *циркуляцию* и *взаимослияние* (обратим внимание на невозможность использовать глаголы, соответствующие двум последним существительным, для обозначения активного действия лица: **Я циркулирую, я сливаюсь...* — за исключением иронического фразеологизма *слиться в едином порыве*, который не обозначает действия).

Квинтэссенцией картины нового мира, над которой нам предлагает задуматься М. Серр, является глава «Голоса». В ней мы видим в обостренном и концентрированном виде все те же лексико-грамматические особенности и тактические приемы построения текста, что и в рассмотренных примерах.

(10) *До сегодняшнего утра преподаватель в классе или аудитории передавал знание, которое отчасти уже содержалось в книгах. Он оглашал написанное, читал со страницы-источника. Если он изобретал что-то новое, — а это редкость, — на следующий день появлялась страница в сборнике. В общем, он был глашатаем на трибуне кафедры. И вещал, требуя тишины. Теперь это невозможно.*

Поднимающаяся в детстве, в подготовительных и начальных классах, в средней школе волна болтовни нарастает, как цунами, и достигает пика в студенческих аудиториях, которые сегодня — впервые в истории — наводнены гулом, заглушающим извечный голос книги. Это явление настолько обыденное, что его уже не замечают.

Девочка с пальчик не читает книг и не желает слушать озвученный текст — как собачка со старинной рекламы, не узнающая хозяйский голос. Вынужденно молчавшие в течение трех тысячелетий, ныне Девочка с пальчик и ее сестры и братья составляют немолчный хор, гудящий, перекрывая глас текста.

Индивидуальный субъект активных действий (преподаватель) остался в прошлом (стоит заметить, что выбивающаяся в русском переводе из перечисления его активных действий предикативная единица с предметным субъектом *появлялась страница в сборнике* отступает от французского оригинала, где на этом месте *il ecrit*). Новый мир, наступающий после слова *теперь*, лишен индивидуальной субъектности, Девочка с пальчик получает право на целенаправленное действие (*не читает*,

не желает слушать) только для того, чтобы отвергнуть прошлое — это придает больше убедительности и силы такому отвержению. Зачем же она его отвергает? Чтобы обрести свою, новую субъектность? Нет, чтобы слиться со своими «сестрами и братьями» в единый гудящий хор. Ни *составлять*, ни *перекрывать* активного действия здесь не обозначают, хор — объект восприятия анонимного наблюдателя.

Здесь важен парадоксальный характер противопоставления преподавателя из первого абзаца, который, кажется, выглядит как изолированный одиночка, и Девочки, которая, казалось бы, обретает индивидуальный голос и окружена такими же, как она. Но это мнимость. Девочка находится еще в большем вакууме, чем преподаватель. В школе и в студенческих аудиториях никого нет, кроме гула и болтовни. Они пусты, наполнены только голосами. И те, кто *не замечают* это явление, тоже не существуют в пространстве текста Серра, не достаиваются номинации (во французском оригинале — конструкция с *on*). И самостоятельного голоса у Девочки тоже нет, как нет и направленной коммуникации. Преподаватель *передавал знание, требовал тишины* у аудитории. У гула и хора нет адресатов. Бестелесность, развоплощение выступают как следствие утери индивидуальной субъектности.

Таков новый цифровой мир, нарисованный французским философом и с достаточной долей точности переданный русским переводчиком. Восприятие русским читателем Девочки с пальчик, существующей в социальном вакууме и мнимой активности, возникает прежде всего как эффект использования переводчиком неопределенно-личных конструкций и конструкций, в которых глагол действия соединяется с неодушевленным субъектом, а личному субъекту предсказывается неакциональный глагол. Остается задаться вопросом: а является ли эта картина сугубо индивидуальным видением М. Серра и каким-то уникальным, специфичным использованием языковых средств?

Затемнение личного субъекта и активизация неодушевленного субъекта в «манифестах» цифровизации образования

Мы обнаруживаем аналогичную языковую технику построения субъектного плана в текстах, которые, как нам представляется, также выражают определенную философию — манифестах и выступлениях российских адептов цифровизации общества и онлайн-образования. Поскольку их проекты предполагают существенную перестройку отношений между машиной и человеком, негативно — в большинстве своем — встречаются обществом и при этом должны демонстрировать непревзойденно новаторский характер задуманного, без некоторой доли философских рассуждений о прекрасном будущем и том, что необходимо для его дости-

жения, в подобных текстах не обойтись. Объем статьи позволяет привести только один пример, однако весьма репрезентативный, — описание программы «Нейрообразование» с официального сайта Национальной технологической инициативы Нейронет и краткую самохарактеристику этой инициативы в целом:

(11) *Система образования будет опираться на нейрокогнитивные механизмы **приобретения** новых знаний, а также на данные об индивидуальных предрасположенностях человека и **применение** нейрокомпьютерных интерфейсов, элементов виртуальной и дополненной реальности, гибридного интеллекта.*

В настоящее время **продукты и сервисы** рынка НейроОбразования **развиваются** в таких сегментах, как дистанционное обучение, обучение через всю жизнь, массовые открытые онлайн-курсы, смешанное обучение, а также инновационные модели дополнительного образования.

В качестве приоритетов **выделяются создание** учебно-лабораторных мест для школьников и студентов на основе нейротехнологий расширенного **восприятия**, оптимизированного **запоминания** и **усиления** познавательных функций, а к 2035 году — полноценное **использование** интегрированных систем естественного и искусственного интеллекта⁴.

(12) *С Нейронет-технологиями, по оценкам экспертов, будет связана следующая технологическая революция: кардинальное увеличение производительности умственного труда **произойдет** за счет **интеграции** мозга человека и вычислительных машин. Биотехнологическая **революция стартовала** после **расшифровки** генома человека, а стремительное **развитие** нейротехнологий **начнется** после **завершения** **расшифровки (картирования)** работы мозга.*

Нейронет станет следующим этапом развития современного интернета (Web 4.0), в котором **взаимодействие** участников (человек — человек, человек — машина) **будет осуществляться** с помощью новых нейрокомпьютерных интерфейсов, а сами **компьютеры станут** нейроморфными (похожими на мозг) с помощью гибридных цифроаналоговых архитектур. **Прогнозируется появление социальных нейросетей** и полноценного гибридного **человекомашинного интеллекта**»⁵.

Как видим, люди, занимающиеся расширением и развитием той реальности, которую описал уже десять лет назад французский философ, мыслят категориями, помеченными и зафиксированными им. В соответствии с жанром текста здесь отсутствуют неопределенно- и обобщенно-личные (с точки зрения формальной грамматики) конструкции с пре-

⁴ <http://rusneuro.net/chto-takoe-nejronet/segmenty-i-proyekty/neyro-obrazovaniye>

⁵ <http://rusneuro.net/chto-takoe-nejronet>

дикатами в форме множественного числа, однако во множестве присутствуют имена ситуаций (свернутые предикации), лишенные субъектной отнесенности. Очевидно, что между субъектами *приобретения новых знаний* и *применения компьютерных интерфейсов* в первом предложении фрагмента нет равенства, но точно установить это не представляется возможным из-за неназванности субъектов. Можно предположить, что в третьем абзаце школьники и студенты являются субъектами *восприятия* и *запоминания*, но выступают как объекты *усиления познавательных функций*. Кто будет активным субъектом *полноценного использования систем искусственного интеллекта*, также не сообщается. Используются синтаксические техники снижения ранга субъекта (перемещения его из позиции подлежащего в позицию второстепенного члена), например, не *участники будут взаимодействовать*, а *взаимодействие участников будет осуществляться*, не *эксперты полагают*, а *по оценкам экспертов*. Ни в одном из предложений субъектом не является личное имя, хотя речь идет о процессе межсубъектного взаимодействия — обучении.

В противоположность ослаблению позиции личного субъекта усиливается позиция субъектов неодушевленных, обретающих самостоятельность и даже активность. *Система образования будет опираться, продукты и сервисы развиваются, биотехнологическая революция стартовала* и т.д. Создается впечатление, что авторы текста наблюдают ситуацию как бы извне и не собираются становиться активными действующими субъектами в описываемых событиях, представляя их как естественный ход вещей (обратим внимание на употребление глаголов *произойдет* и *станет*). Они не берут на себя ответственность даже за прогнозы и оценки: без эксплицированного субъекта остаются авторизационные глаголы *наблюдаются* и *прогнозируются*, по сути своей предназначенные для выражения точки зрения субъекта. Что это как не обезличенный гул голосов, не желающих назвать себя, предсказанный М. Серром?

Наконец, следует обратить внимание на два употребления предлога *с помощью* в последнем предложении примера (12). Первое — вполне соответствует нормам русского языка и находит соответствие во многих текстах, где речь идет о цифровых технологиях и электронных устройствах (подобных тем, которые мы рассматривали выше): люди будут делать что-то с помощью вещей (отношения «активный личный субъект — инструмент»). Ср.:

(13) *Ученые смогли продемонстрировать, что с помощью портативного микроскопа на базе смартфона можно обнаруживать небольшие фрагменты ДНК в сыворотке крови.*

Предлог *с помощью*, согласно мнению Т. Ф. Ефремовой [2000], употребляется «при указании на что-л., пользуясь чем производится какое-л. действие; при помощи чего-л., посредством чего-л.».

Второе употребление предлога *с помощью* в примере (12) ощущается носителями русского языка как не вполне правильное: **Компьютеры станут нейроморфными с помощью гибридных цифроаналоговых архитектур*. Правильно было бы сказать так, чтобы субъектом действия был человек:

(14) *С помощью гибридных цифроаналоговых архитектур будут созданы нейроморфные компьютеры.*

В том же варианте, который представлен в тексте, *стать нейроморфным* выглядит как активное, целенаправленное действие компьютеров.

Возможно, это результат использования при создании данного текста некоторого англоязычного первоисточника, что характерно для подобных документов в нашей современной действительности. Но тем более интересно использование доступных в русском языке синтаксических техник затемнения и подмены субъектных позиций в соответствии с коммуникативной целью авторов, которые таким образом снимают с себя ответственность за описываемые процессы, представляя изменения как естественный ход вещей, не подвластный воле человека. Предметы действуют и процессы развиваются самостоятельно, оставляя деиндивидуализованному до неназванности личному субъекту пассивную роль наблюдателя и покорного потребителя неотвратимых перемен. Девочке с пальчик предлагается то самое «взаимослияние», о котором пишет Серр, только уже с машиной. Отказавшись от «глашатая на трибуне» и «гласа книги», она получила взамен голоса цифровых невидимок и имеет все шансы превратиться в ту самую лейбницевскую монаду виртуального мира, о которой провидчески писал еще в 1997 году американский философ М. Хейм в книге «Метафизика виртуальной реальности» [Heim, 1997].

И снова возникает вопрос о степени специфичности рассмотренного документа и обнаруженных нами в нем языковых черт. Некоторые из них вызывают ассоциации с советским политическим дискурсом, проанализированным в известном исследовании П. Серрио, посвященном речам Н. С. Хрущева и Л. И. Брежнева [Серрио, 1999б]. Обилие свернутых предикаций (номинализаций) Серрио называл в качестве одной из основных черт этого дискурса. Причину высокой частотности номинализаций Серрио видит в общей тенденции такого «способа оперирования языком» и стоящего за ним «ментального мира» к обобщенности, неопределенности и переложению ответственности. Присоединяясь к высказанно-

му Серио положению о том, что особое использование языка влечет активизацию некоторых его черт и, в конечном счете, особую грамматику и особые правила лексики, мы бы хотели указать на две вещи. Во-первых, на существенное различие между дискурсом, исследованным Серио, и интересующими нас текстами, касающееся их субъектной структуры. Во-вторых, на тот факт, что использование свернутых предикаций (номинализаций) в русском тексте ни в коей мере само по себе не определяет характеристики субъектного плана этого текста — все зависит от того, эксплицированы ли субъекты этих предикаций одним из возможных в русском языке способов. Ср. *родители ссорятся — ссора родителей, родительская ссора, ссора отца с матерью, ссора между родителями, ссора у родителей (произошла неожиданно)*. Возможность называть или не называть субъект свернутой предикации — в руках говорящего, и мы полагаем, что тенденция к неэксплицированности субъекта не сближает тексты о нейротехнологиях и цифровизации, подобные рассмотренным нами, с советским партийно-государственным дискурсом, а напротив — радикально отличает их от него.

Речи советских партийных лидеров, как и весь советский партийный и государственный дискурс той поры, конструировали «ментальный мир», державшийся на двух важнейших идеологемах — именно субъектного плана: а) руководящая роль партии и лично ее лидеров, что отразилось в известном лозунге «Партия — наш рулевой» и превращении формулировки «и лично Леонид Ильич Брежнев» в прецедентный текст (не случайно именно такое название получил фильм, выпущенный журналом Л. Парфеновым к 100-летию Брежнева); б) полярное восприятие мира по принципу «свой — чужой» (как во внешней, так и во внутренней политике). На полюсе «свой» — трудящиеся под руководством Коммунистической партии и наши друзья в других странах, на полюсе «чужой» — так называемый «мировой империализм», «расхитители социалистической собственности» и прочие «враждебные» субъекты. Мир, построенный на таких идеологемах, не может не быть насквозь субъектен, даже в текстах, наполненных номинализациями. Об этом говорят примеры, приводимые самим Серио, как например:

(15) *Политическая и организаторская работа партии в массах, самоотверженный труд советского народа обеспечили дальнейший рост экономики страны и повышение благосостояния советских людей* (Л. И. Брежнев — цит. по: [Серио, 1999б, с. 358]).

(16) *Советский народ своим трудом и героической борьбой под руководством партии добился больших успехов в социалистическом строительстве* (Н. И. Хрущев — цит. по: [Серио, 1999б, с. 349]).

(17) *Бдительно несут службу по разоблачению и пресечению происков империалистических разведок и их агентуры органы государственной безопасности, наши славные пограничники* (Л. И. Брежнев — цит. по: [Серио, 1999б, с. 347]).

Из пяти предикативных единиц в примере (15) три имеют выраженного личного субъекта (*работа партии, труд народа, благосостояние людей*). Из пяти предикативных единиц в примере (16) при четырех субъект эксплицирован (*народ добился успехов, своим трудом и борьбой, руководство партии*), субъект пятой (*строительство*) определяется однозначно из синтаксической конструкции и фоновых знаний (добиться успехов можно только в том, что ты делаешь). Субъекты всех четырех предикаций в примере (17) названы, причем весьма характерным для советского политического дискурса способом. Номинации противостоящих сторон продублированы: *разведкам и их агентуре* противостоят *органы госбезопасности и славные пограничники*. Вряд ли можно говорить, что здесь происходит сокрытие или обобщение деятеля, скорее, его подчеркивание, высвечивание. В случаях, когда личные субъекты отсутствуют, они, как правило, легко восстанавливаются на основе ценностной окраски свернутой предикации — позитивной или негативной — в проекции на знакомую всем адресатам текста парадигму «свой — чужой»: все хорошее делают свои, плохое — чужие.

Сравним примеры (15) — (17) с примерами (11) и (12). Значимое отсутствие личного субъекта в последних по сравнению с первыми очевидно: в потоке номинализаций «растворились» деятель, «глашатай», бенефициар. Обезличенный гул, о котором пишет М. Серр, выросшая Девочка с пальчик перенесла из студенческой аудитории в документы, с помощью которых она намерена творить новый мир.

Выводы

Можно заключить, что наличествующие в языке средства организации субъектной перспективы текста, главными из которых являются номинация и предикация, способны не только отражать понимание автором текста текущего состояния мира и происходящих в нем изменений — они могут использоваться интерпретатором (независимо от воли говорящего) для декодирования желаемого автором мира. «Особое использование» свернутых предикаций с неназванным субъектом, неопределенно-личных и обобщенно-личных конструкций, приписывание неличным субъектам предикатов действия, ментального и эмоционального состояния, наделение самостоятельностью и интенциональностью «умных» вещей и сетевых технологий, соответствует

современной тенденции к обобщенности, неопределенности акциональной позиции личных субъектов и «отказу от ответственности», к манипулированию виртуальными сущностями. Важно, что языковыми инструментами конструирования «ментальных миров», обладающих перечисленными свойствами, не могут быть отдельно предикаты (их семантика и формы) и компоненты предложения с субъектным значением (их семантика и формы, в том числе «нулевые»), а только их комбинации, например: личный субъект — названный или не названный — и акциональный предикат, предметный субъект и акциональный предикат, имя процесса и акциональный предикат, личный субъект и неакциональный предикат и т. п.

Отмеченные синтаксические техники «совпали» с движением к цифровизации общества и межличностному отчуждению, сопутствующему ей. При этом мы наблюдаем два взаимонаправленных процесса. Одни и те же языковые средства и приемы построения текста одинаково хорошо служат и обезличиванию, развоплощению, инволютивизации личного (человеческого) субъекта, и в то же время обособлению от него, активизации и персонализации «умных» вещей и сетевых технологий, если в интенцию говорящего входит построение обладающей соответствующими характеристиками «новой реальности».

Библиографический список

- Буслаев Ф. И. О преподавании отечественного языка. М., 1844. URL: http://az.lib.ru/b/buslaew_f_i/text_1844_o_prepodavanii_oldorfo.shtml
- Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. М., 2000.
- Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса современного русского языка. М., 1973.
- Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
- Золотова Г. А. О чем говорит предложение? // Мир русского слова. 2005. № 3–4. С. 58–61.
- Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
- Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М., 1999а. С. 12–53.
- Серио П. Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М., 1999б. С. 337–384.
- Сидорова М. Ю. Грамматика художественного текста. М., 2001.
- Сидорова М. Ю. Неопределенно-личность в поэтике Чехова // Gramatyka a Tekst. Katowice, 2011. Вып. 3. С. 110–115.

Сидорова М. Ю., О Чжон Хюн. Система субъектов в лирической поэзии — ключ к инвариантным смыслам художественного мира автора // Филология и человек. 2014а. № 3. С. 36–46.

Сидорова М. Ю., О Чжон Хюн. Система субъектов как основа для моделирования поэтического мира (на примере лирики Булата Окуджавы) // Структуры и функции: исследования по русистике. 2014б. Т. 1. № 2. С. 46–67.

Сломан С., Фернбах Ф. Иллюзия знания: почему мы никогда не думаем в одиночестве. М., 2017.

Halliday M. A. K. *Linguistic function & literary style: An inquiry into the language of William Golding's The Inheritors* // Seymour Chatman (ed.). *Literary style: a symposium*. New York, 1971. P. 330–368.

Heim M. *The Metaphysics of Virtual Reality*. New York, 1993.

Levelt W. J. M. *Speaking: From Intention to Articulation*. Cambridge, MA, 1989.

Источник

Серр М. *Девочка с пальчик*. М., 2012.

References

Buslaev F. I. *O prepodavanii otechestvennogo yazyka*. [On teaching mother language]. Moscow, 1844. URL: http://az.lib.ru/b/buslaew_f_i/text_1844_o_prepodavanii_oldorfo.shtml.

Efremova T. F. *Novyj slovar russkogo yazyka*. [Ney dictionary of Russian]. Moscow, 2000.

Zolotova G. A. *Ocherk funkcionalnogo sintaksisa sovremennogo russkogo yazyka* [Description of functional syntax of Russian]. Moscow, 1973.

Zolotova G. A. *Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa*. [Communicative aspects of Russian syntax]. Moscow, 1982.

Zolotova G. A. *O chem govorit predlozhenie?* [What does a sentence talk about?]. In: *Mir russkogo slova*. [The world of Russian word]. 2005. No. 3–4. P. 58–61.

Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Yu. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka*. [Communicative grammar of Russian]. Moscow, 1998.

Sériot P. *Kak chitayut teksty vo Francii*. [How we read texts in France]. In: *Kvadratura smysla: Franczuzskaya shkola analiza diskursa*. [Squaring the sense: the French school of discourse analysis]. Moscow, 1999a. P. 12–53.

Sériot P. *Russkij yazyk i analiz sovetskogo politicheskogo diskursa: analiz nominalizacij*. [The Russian language and the analysis of Soviet political discourse: analysis of nominbalizations]. In: *Kvadratura smysla: Franczuzskaya shkola*

analiza diskursa. [Squaring the sense: the French school of discourse analysis]. Moscow, 1999b. P. 337–384.

Serres M. *Devochka s palchik*. [Petite Poucette]. Moscow, 2012.

Sidorova M. Yu. *Grammatika hudozhestvennogo teksta*. [The grammar of fiction]. Moscow, 2001.

Sidorova M. Yu. *Neopredelenno-lichnost v poetike Chekhova*. [Indefinite personality in Chekhov's poetics]. In: *Grammatyka a Tekst*. [Grammar and text]. Katowice, 2011. Iss. 3. P. 110–115.

Sidorova M. Yu., O Chzhon Hun. *Sistema subjektov v liricheskoj poezii — klyuch k invariantnym smyslam hudozhestvennogo mira avtora*. [The system of subjects in lyrical poetry as a key to invariant ideas of the author's fictional world]. In: *Filologiya i chelovek*. [Philology & Human]. 2014a. No.3. C. 36–46

Sidorova M. Yu., O Chzhon Hun. *Sistema subjektov kak osnova dlya modelirovaniya poeticheskogo mira (na primere liriki Bulata Okudzhavy* [The system of subjects as the basis for modelling of the poetic world (in B. Okudzhava's lyrics)]. *Struktury i funkcii: issledovaniya po rusistike* [Structures and functions: studies in Russian linguistics]. 2014b. T. 1, No. 2. S. 46–67.

Sloman S., Fernbach F. *Illyuziya znaniya: pochemu my nikogda ne думаем в одиночестве*. [The Knowledge Illusion: Why We Never Think Alone]. Moscow, 2017.

Halliday M. A. K. *Linguistic function & literary style: An inquiry into the language of William Golding's The Inheritors*. Seymour Chatman (ed.). *Literary style: a symposium*. New York, 1971. P. 330–368.

Heim M. *The Metaphysics of Virtual Reality*. New York, 1993.

Levelt W. J. M. *Speaking: From Intention to Articulation*. Cambridge, 1989.

Source

Serre M. *Girl with a finger*. Moscow, 2012.